

Пророк в своем Отечестве

В Инженерном корпусе Третьяковской галереи открылась выставка иллюстраций Эрнста Неизвестного к библейской «Книге Иова»

Рисунки, всего числом тридцать три, сделаны художником специально для издания, презентация которого прошла одновременно с вернисажем. Ветхозаветный текст в канонических переводах на русский и английский сопровождается также философским эссе Якова Кумока «Величие из праха и пепла». Совокупный плод усилий трех авторов, один из которых «неизвестный» буквально, предложен публике издательством «Когелет». В 1996 году здесь уже выпускали «Книгу Екклесиаста, или Проповедника», похожим образом проиллюстрированную и откомментированную тем же тандемом наших современников.

«Иов» — книга сложная и загадочная, уже тем хотя бы, что в ней содержится диалог Саваофа с сатаной, предмет которого — земная участь отдельного человека. Во все времена люди страдали, часто, по их мнению, безвинно, и во все времена вопрошали у небес: «За что?!». Объяснение и даже утешение в «Книге Иова» имеется, но изложено характерным для Библии притчеобразным языком, что рождало постоянную потребность в толкованиях. Рисунки Эрнста Неизвестного претендуют на роль именно толкований, а не дотошных иллюстраций, чем были, например, знаменитые гравюры Гюстава Доре. К слову сказать, французский художник ни за что бы и не взялся так подробно, едва ли не построчно, прорисовывать «Книгу Иова» по причине ее слабой сюжетности. Философу же и аллегористу Неизвестному особой нужды во внешней интриге нет. Экспонированные листы, сделанные в смеси пастели, сангины и графитного карандаша, оказались неожиданно населенными и динамичными.

Хотя почему неожиданно? Разве бывало у мэтра и классика по-другому? Во множестве прежних работ, и в скульптуре, и в графике, встречаются вздутые вены, натянутые сухожилия, утрированные и неестественно вывернутые суставы. Также не редки для него соединение разномасштабных изображений и предельная плотность композиции, что порой вызывает в памяти творчество мексиканца Диего Риверы. Безусловно, вещи Неизвестного вполне самостоятельны и пронизаны авторской индивидуальностью, но постоянная экспрессия, подобно повернутому до упора регулятору громкости в радиоприемнике, не может не рождать в отдельных случаях помех и искажений. Вопреки устоявшимся в последние годы представлениям далеко не каждая его новая работа принимается художественными кругами на ура.

Принцип иллюстрирования, выбранный Эрнстом Неизвестным довольно давно, причем не только в применении к Библии, можно назвать рискованным. От буквального воплощения в материале метафор и поэтизмов опытные учителя обычно предостерегают начинающих книжных художников. Рисунок, поясняющий выражения «море слез» или «парус надежды», воспринимался бы с недоумением. Но именно такой подход просматривается в нынешней серии маэстро. Например, иллюстрация к словам Иова «Я стал братом шакалам и другом страусам» изображает как раз переплетение шакало-страусиных тел с несчастным праведником в средоточии. На листе, посвященном строчке «Для чего не умер я, выходя из утробы. ?», в наличии и утроба, и младенец, и костлявые руки Смерти. Нетрудно догадаться, как проиллюстрировано художником понятие «человек в руке Божией». Реестр можно продолжать.

Подобные придирки, впрочем, были бы уместны, если рассматривать показанные работы с точки зрения профессии. Однако на пресс-конференции рефреном звучало «это больше, чем иллюстрации». Тогда и спорить не о чем. Следует все это отнести к разряду пророчеств и прочих таинственных явлений, по неразгаданной причине оказавшихся похожими на изобразительное искусство. Во всяком случае сам маэстро предпочитал «говорить все о непонятном», регулярно поминая Апокалипсис, Нострадамуса и мистическое значение войны в Югославии. Похоже, впрочем, что мрачное настроение и рассуждения о конце времен имеют прозаические причины: перспективы возведения в столице памятника «Древо жизни» работы скульптора по-прежнему туманны. Решение этого вопроса было в планах его нынешнего визита в Россию, но, по признанию самого Эрнста Неизвестного, возведение объекта в намеченные сроки — к 2000 году — теперь едва ли возможно. Монументально-декоративная обстановка в Москве остается напряженной.

Дмитрий Смолев, для «Новых Известий».

С тревогой о конце времен...

АЛЕКСАНДР ФОМИН